

Приведенный ниже отрывок из книги "Память и скорбь" описывает войну в окружении Северного Леметти, в полевой хлебопекарне, сокращенно ПАХ, (финны называли этот [мотти Мюллю](#)

, Мельница). После того, как финны в непрерывных атаках ликвидировали сначала танковый мотти 2 января, а потом Мельницу 4 января, некоторым нашим бойцам во главе с комиссаром Феофилаьевым удалось прорваться из окружения в соседнее Южное Леметти. Вместе с хлебопекарней в окружении присутствовала артиллерийская батарея, но фельдшерница ее не вспоминает, а может, авторы ее вычеркнули.

При штурме "Мельницы" финская ударная группа потеряла меньше десяти человек, в то время как оборонявшиеся - несколько сотен. Общее количество трупов составило 367 советских бойцов. Большинство защитников, голодные и деморализованные защищались в окопах и землянках, которые подрывались зарядами взрывчатки."

В Южном Леметти бойцы продолжали сражаться до конца февраля, пока окруженным не разрешили выходить к своим. После этого в ходе ночной атаки финнов с запада и севера гарнизон вырвался из окружения в район Муставара, причем, ушедшие на юго-восток спаслись, а те, кто ушел на восток в большинстве погибли. Что еще характерно, "окружение" в тексте называют лагерем "И решили мы пробиваться в соседний лагерь".

Г. ФИШ, П. ХОЛОДКОВ История Кати Андреевой

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество военфельдшер Екатерина Семеновна Андреева - девушка-колхозница из Новоторжского района Калининской области, пришедшая в армию добровольцем, была награждена медалью «За боевые заслуги». Ее повествование о днях боевой жизни, дополненное товарищами, мы записали и литературно обработали.

Авторы

Я в одной книжке читала, что человек даже и не представляет, сколько он может вывести, а если бы ему заранее сказали, то он бы удивился и не поверил.

Про все, что мы пережили, попали и окружение белофиннов, можно очень много

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью.

Добавил(a) Administrator

16.02.16 13:11 - Последнее обновление 16.02.16 13:20

рассказывать, но я лучше вам расскажу по порядку.

Пришла я в райвоенкомат и попросила, чтобы меня приняли добровольцем в Красную Армию.

— А ты кто такая?

— Кончила я в Ленинграде школу медсестер, целый год в больнице работала, а теперь, видя такое положение, прошу зачислить меня в часть.

В армию меня приняли, присвоили звание военфельдшера и выдали сапоги гимнастерку, шинель. Назначили меня в часть на самой границе Карелии фельдшером в полевую авто пекарню.

Шли осенние холодные дожди, когда мы пробирались к границе. Грязь налипала на сапоги, и тяжело было передвигать ноги. Наша часть стояла в лесу, жили в наскоро сделанных землянках и шалашах. В землянки струйками текла мутная вода.

Работники полевого хлебозавода имели брезентовые палатки, а в той палатке, где выпекали хлеб, было даже жарко: там работали две автопечи на форсунках, и каждая на них выпекала по десять тонн хлеба в сутки. Пекари работали налегке, в белых халатах.

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью. Досадовали только на то, что обозы задерживали наше продвижение вперед. Хотели расположиться поближе к передовым частям: так было удобнее снабжать бойцов свежим хлебом.

Вскоре и наша автопекарня продвинулась вперед вслед за наступающими частями. Мы даже и не заметили того места, где раньше была граница. Дорога будто с трудом протискивалась между двумя стенами леса. Она была узкая, снег не был укатан и утоптан, а по сторонам он лежал пушистый и глубокий. Природа в этих местах хорошая, но мы не имели времени любоваться ею.

Из частей за хлебом приезжали грузовики. Хотя мы и продвигались, но свои двадцать тонн должны были давать. И давали. И никто не жаловался на качество нашего хлеба. Я ходила по палатке пекарни, смотрела, хорошо ли выскоблены чаны, чистая ли в них вода, и действительно ли белые халаты у пекарей. В сумке у меня были ножницы. Увижу у пекаря длинные ногти, сама тут же и обстригу. К этому все привыкли, и как только пекарь видит, что я на его руки внимательно гляжу, сам мне протягивает — стриги!

Вся жизнь была на морозе. А если умываться холодной водой на ветру - руки стынут. Ну, и частенько пекари «забывали» умываться. Я за этим следила и напоминала им. Сначала они сердились на меня, но потом привыкли и всегда слушались, хотя я по возрасту была самая младшая, ведь я родилась в двадцатом году. А кроме того: йодом ли ранку залить или перевязку сделать, температуру ли смерить — опять ко мне. А всех у меня в автопекарне бойцов, пекарей и шоферов было семьдесят человек. Так мы работали и продвигались вперед.

В стороне от дороги лежали небольшие деревянные ящики. Вроде почтовых. Это были мины. Их убрали наши саперы. На дороге мы видели квадратные ямки-гнезда, откуда были извлечены эти мины. Но случилось, что саперы, продвигаясь вперед с разведкой, не нащупывали всех мин. И мы беспокоились, как бы не подорваться на пропущенной.

Идя по дороге, мы старались легко ступать, а когда темнело, мы двигались еще осторожнее, а темнело очень рано, ведь это было самое темное время года — середина декабря. Так мы пришли в деревню Л. От деревни остались только название да печные трубы. Тут мы остановились. «Куда завод поставить?» — спросила я. «В лес за деревья, подальше от дороги», — ответил мне командир. «А откуда воду брать?» «Из проруби на

речке»... Мы стали работать в лесу в палатках. Сверху на брезент положили ельник: надо было маскироваться, так как вокруг летали неприятельские самолеты.

Жили мы вначале в риге, но там было очень холодно, и ночью знобило так, что стучали зубы, и мы не могли уснуть. Тогда в лесу возле пекарни вырыли землянки. Печки сделали из кирпичей. Разобрали для этого трубы сожженных изб. Над нашим жильем с хриплым гудением проносились снаряды. Мы слышали, как они разрывались далеко, и были спокойны: это была наша артиллерия. Совсем близко от автопекарни шла перестрелка. Она начиналась утром отдельными дробными выстрелами, которые днем сливались в сплошной рокот.

Скоро и я научилась отличать в этом рокоте звук финского автомат от выстрелов винтовки и ручного пулемета. Бои шли в километре от нас.

Помню 6 января я отправилась на полевую почту за письмами. Почта помещалась очень близко. Когда я шла, совсем рядом раздавались выстрелы. Я услышала свист пуль, но не обратила внимания, так как думала, что это наши бойцы прогревают пулеметы или пристреливают оружие. А на самом деле это был налет белофиннов. О нем я узнала на почте и в обратный путь пустилась бегом. Бежала я еще и потому, что хотелось поскорее прочитать письмо от младшего братишки Коли. Читала я наспех; в землянку пришли сказать, что есть раненые, и надо было торопиться.

С 8-го января наш лагерь находился под непрерывным обстрелом. Стреляли со всех сторон. Пули дырявили брезент палаток, звякали в железо печей, попадали в тесто и застревали в свежее испеченных буханках. Первый пекарь был убит, другой ранен.

Пекари держали винтовки под рукой тут же в палатке.

Такие обстрелы происходили по несколько раз в сутки. Подойдут на лыжах лесом, обстреляют, и снова тихо... Но мы работу не бросали: по-прежнему приезжали к нам за хлебом... Следя за отпуском хлеба, я говорила: «За качество я ручаюсь, но если в хлебе попадет пуля, за это мы не отвечаем».

Налеты на наш лагерь становились все чаще и чаще. Пекари стали выходить из строя. И хотя муки оставалось еще много, но печь хлеб не было никакой возможности. 13 января мы перестали выпекать хлеб. Да его и меньше стали от нас требовать. Дорога, по которой приезжали к нам за хлебом, была перерезана, лагерь окружен.

Теперь я уже работала по своей специальности. В нашем лагере было человек сто раненых. Они помещались в пяти землянках. Я обслуживала землянки и затем переползала по льду через речку, где меня тоже ждали раненые. Ползешь и видишь, как по снегу чиркают пули...

В ночь на 21 января мы снова стали выпекать хлеб. Но смогли дать только одну выпечку, потому что враг начал бить по пекарне из своих орудий и строчить из автоматов. Пули падали на пол прямо у ног около самих печек. Все паши пекари и шоферы взяли винтовки и залегли в вырытых в снегу окопах. Вместе с другими бойцами они занимали круговую оборону, и очень редко кому удавалось в течение дня забежать в землянку погреться.

Мне приходилось лечить такие раны, о которых я раньше и не знала. У меня были раненые разрывными пулями, с переломами костей и серьезными ранениями в голову. А я до сих пор работала в больнице сестрой в урологическом отделении. Здесь же пришлось кроме перевязок накладывать шины, вправлять кости и даже делать операции. Вначале я не решалась, но что делать — надо же людям помогать. Работала и за врача и за сиделку, сама кипятила воду и давала раненым пить.

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью.

Добавил(a) Administrator

16.02.16 13:11 - Последнее обновление 16.02.16 13:20

Вскоре кончились медикаменты а бинты. Собрали все чистые портянки, разорвали чистое белье, чтобы было чем перевязывать раны. Из лагеря уже никуда нельзя было выбраться. Наши день и ночь сидели а окопах, отстреливаясь и отбивая атаки.

Белофиннов было много. И все время к ним подходили свежие силы.

4 февраля они открыли сильный огонь из минометов и стали бить по землянкам фугасными снарядами. Они потеснили нашу оборону и заняли часть окопов. Тогда мы решили прорываться к своим, соединиться с соседним лагерем, правда, он также находился в окружении, но там было много бойцов и вдоволь боеприпасов. Предстояло пройти километр, но какой это был километр!

Как стемнело, командир сказал: «Ну, Катя, собирай своих раненых». Я пошла по землянкам. «Собирайтесь, — говорю, — прорываться будем». А сама боюсь, что они подняться не смогут. Но как только узнали, что мы уходим отсюда — все встали.

Девяносто три раненых вышли из землянок, многие с оружием. Построились. Впереди всех здоровые. Каждый кроме оружия по буханке хлеба взял. А кто посильнее, тот и две захватил. У меня тоже в сумке буханка была. Двинулись вперед.

У нас было трое раненых, которые сами, без помощи, идти не могли. Я с ними встала позади колонны. У одного раздроблены кости рук, другой ранен в плечо, третий в ягодицу. Один обнял меня за плечо, и так, опираясь, шел. Другой держался за шинель. Прорывались на ура, с криками и песнями, поддерживая свой дух и отпугивая противника: пусть думают, что нас много и все мы здоровые. А здоровых у нас было меньше, чем раненых. Автоматчики из лесу открыли огонь, и вся колония легла в снег и в дальнейшем продвигалась вперед ползком.

Здесь я со своими 3-мя ранеными отстала. Им трудно было ползти. Я бросила свою буханку и начала подтаскивать одного за другим. А крики «Ура!» все больше удалялись от нас... И было темно, и глубокий снег, и страшные сугробы.

Дорогу совсем замело. Впереди кричали «Ура!», а нам нельзя было и слова сказать, чтобы не обнаружить себя. Потом мы поднялись. И я услышала у дороги шорох лыж по снегу. А мы без оружия. Тогда я закричала: «Шестой батальон — направо, пятый — влево, гранаты и пулеметы — к бою! За Сталина, за Родину, вперед!». Мы видели, как мимо пролетали пули, и след их светился в ночном воздухе. Было страшно... Наверное, противник думал, что нас много и притаился. Так мы шли, пока не натолкнулись на тела убитых товарищей. Тогда мы свернули с дороги и стали прибираться лесом, держась боковой тропы.

Сколько мы шли так, я не знаю, пока вдруг не набрали на шалаш. Там шел разговор.

Один из моих раненых, карел, сказал, что это финны, и они чистят свое оружие.

— Кричите, — сказала я раненым.

— Сил нет. — шепчут они.

— Ну тогда вас убьют...

И всё мы закричали «Ура». Финны выскочили из шалаша и побежали в лес, их было двое. Я зашла в шалаш пошла финскую махорку, и мы пошли дальше.

В лагерь мы пришли еще до рассвета, к шести утра, и там все были рады, что мы остались живы. Когда совсем рассвело, надо мной стал посмеиваться начальник санитарной службы военврач II ранга Вознесенский, потому что у меня из брюк торчала вата — в ватных шароварах застряла пуля. И еще потому, что я командовала пятым и шестым батальонами. Я не знала, что в полку только три батальона. А командир сказал: «Ай, да молодец! Не будь я командир, если ты не поедешь к Калинин».

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью.

Добавил(a) Administrator

16.02.16 13:11 - Последнее обновление 16.02.16 13:20

Землянки здесь были лучше, чем наши, покрепче: низкие, потолок в два наката бревен, а сверху слой земли и снега. Да иначе и нельзя было, потому что финны били сюда из тяжелых орудий.

В землянках были и другие девушки: Валя Андриенко — корректор из газеты «За советскую Родину». Надя — ветеринарный фельдшер, Нюра Костомарова. Коврайская - машинистка из штаба и Аня Смирнова. Все они были очень славные, и мы быстро подружились. У Н.Костомаровой и А. Смирновой мужья работали здесь же и находились в соседних землянках. Мсия устроили на жительство в землянку, где жили женщины.

Вознесенский назначил меня начальником госпиталя, устроенного тут же, в четырех блиндажах. И мне, вместе с двумя санитарными инструкторами, пришлось ухаживать за сотней раненых. Мы стали наводить порядок. Всех заново перевязали, раны обмыли. Землянки находились в разных местах, и приходилось весь день бегать по горушкам из одной землянки в другую. А весь лагерь наш расположился в лесу очень скученно и насквозь просматривался. Окружение здесь было посерьезнее, и вскоре из землянки в землянку стало возможным пробираться только в темноте. Днем же надо было сидеть, не вылезая. Когда появлялись раненые в других концах лагеря, я набивала сумку бинтами и по горушкам, то перебегая, то таясь, добиралась до тех, кому нужна была помощь. Вознесенский узнал об этом и запретил мне бегать под огнем. Но что поделаешь, если надо помогать.

Спать приходилось мало. Хотя я и молодая, и здоровая, но мне было тяжело спать всего по два-три часа в сутки. А больше редко когда удавалось: работы много и потом, разве долго уснешь, когда вокруг все время бьет неприятельская артиллерия и минометы. Снаряды рвались совсем рядом, разворачивая мерзлую землю. Распыленная взрывами земля оседала поверх снега, и весь снег был вокруг темно-серым. Снаряды ссекали вершины деревьев и срывали ветки. И с каждым днем лес становился все прозрачнее, и никто бы уже не сказал, что мы живем в лесу. Так как мы были окружены, то о том, что делается на родине, знали только из самых сжатых телеграмм, которые принимались походной радиостанцией и перепечатывались на пишущей машинке. Мы отбивали атаки, которые каждый день становились все сильнее.

Когда снаряды разрывались особенно часто и ложились поблизости от наших землянок, ми, девушки, запевали песни. Валя Андриенко хорошо пела украинские песни. Раненые подпевали нам, а кроме украинских песен мы пели «Раскинулось море широко», «Штурмовать далеко море посылает нас страна», «Дан приказ ему на запад».. А если кто-нибудь запевал «И никто не узнает, где могилка моя», его тут же обрывали. Наши песни разносились далеко, и их слышали не только красноармейцы, но и белофинны. В другой раз в такие часы мы рассказывали друг другу все из своей жизни: и кто как учился, и кто как влюблялся, и какие были происшествия. Я больше слушала, потому что в жизни у меня еще ничего особенного не случилось, а о том, как я в детстве жила в деревне с родителями-колхозниками и как потом училась в семилетке, никому не интересно было слушать.

И еще говорили о том, кто какую бы еду сейчас съел. Чего только не перебирали, какие только обеды не заказывали! И галушки в сметане, и красный борщ со свининой, и баранину с картошкой и всякую всячину. Но как мы обрадовались, когда к нам в землянку связист В. А. Козырев принес записку с командного пункта. Жили мы все на одном пятачке, а виделось очень редко: нельзя было из-за огня ходить в гости к

товарищам. Комиссар писал:

«Только для девушек».

«Милые девушки! Все, что можно, делаем для того, чтобы поддержать ваши силенки.

Случайный кусок хлеба направляем вам, больше у нас ничего нет.

Напишите, как ваше самочувствие, не падайте духом, храбритесь! Думаем, что скоро как-нибудь выберемся из этой дыры». И при этой записке приложен был завернутый в бумагу кусок хлеба. Мы его разделили и каждая из нас получила ломтик.

Примерно раз в шестидневку В.А.Козырев нам приносил записки. Вот еще одна, ее Валя Андриенко сохранила.

«Девушки-голубушки! Извините, что так поздно беспокою, у меня коленки продрались на штанах. И задумал я починить их, но заплат не оказалось. Сделайте божескую милость! Не найдется ли у вас какой-либо темно-серой заплатинки, желательной суконной. Выручите, пожалуйста, бедного грека. Крепитесь, голубушки, время все же работает на нас».

Связист Василий Андреевич Козырев был веселым и крепким бойцом, еще в восемнадцатом году дрался с Маннергеймом, когда меня и на свете не было. Может, кто-то подумает: «Ну, связист — ничего особенного!» А за что мы его любили и уважали? Все время под огнем и все время с шуточками... Раз пятнадцать в сутки от командного пункта до радиостанции он ходил с шифровками, с пакетами и обратно с новостями для бюллетеня. А до радиостанции было полтора километра. Нужна большая смелость, чтобы пройти туда хоть один раз, а он все время ходил. Километров тридцать в день под огнем набиралось.. Где ползком, где бегом... Патрульные спрашивают В. А. Козырева:

— Как дела. Василий Андреевич?

— На радиостанцию иду, — говорит, — некогда. Обратно возвращается, всегда подбодрит:

— Скоро нам освобождение придет.

Каждый понимал, что ему нелегко, и спрашивал:

— Ну, как, старина, ноги?

— Ничего, — отвечает, — до конца войны протопаяю. Недаром его выбирали два раза в Петрозаводский Совет.

Не стало табаку, он и тут не унывал: первым начал курить мох. «В гражданскую войну еще и не так бывало», — приговаривал он и рассказывал разные случаи. Только один раз мы заметили, что он запечалился. Это было 16 февраля.

— Василий Андреевич, что с вами такое?

— Сегодня моей жене исполняется сорок лет, а я ей даже привета, письма не могу послать. Первый раз за всю нашу семейную жизнь такое вышло.

И так ему было обидно, даже слезы на глазах выступили. Нам тоже грустно стало в мы запели: «Где же ты, моя Сулико». Он подтягивал нам сначала робко, а потом разошелся. «Связисты, — говорит, хорошо знают все песни, — и стал дирижировать... — Вот и хор! Пойте, девушки, лучше».

И в это время снова началась атака. Наступали финские юнкера из Выборгской школы. Снаряды перестали рваться. Поднялась стрельба из автоматов, в лесу стали кричать и ругаться по-русски. Но в обороне у нас не спали, дали им жизни.

Мы тоже выползли из землянок и услышали женские голоса и звуки бубна. Вместе с юнкерами шли женщины, пели песни и били в бубны. Юнкера надеялись взять нас с налету. Но не пришлось. Через час они повторили атаку с другой стороны лагеря, но и там наши бойцы оборону держали прочно. Боеприпасов у нас хватало. Артиллерийский

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью.

Добавил(a) Administrator

16.02.16 13:11 - Последнее обновление 16.02.16 13:20

обстрел на нас не действовал. Атаками они взять нас не могли.

Каждый день поступали все новые раненые, но бойцы наши держались стойко.

Однажды, когда рассвело, мы увидели: на деревьях висят люди в красноармейских шинелях. Пригляделись и поняли, что это наши разведчики. Они должны были пробраться к главным силам, но на пути попали в руки противнику, и их повесили недалеко от наших окопов, думали таким образом запугать нас...

Белофинны в этот день кричали нам в рупоры: «Если вы не сдадитесь, все висеть будете!» В ответ на такие слова бойцы отвечали руганью и открывали стрельбу. «Плохо стреляете!» — крикнул один белофинн из лесу и обнаружил себя. Разведчик Кононов сразу же на голос бросил гранату. Юнкер привстал на снегу и упал уже навсегда. Финский офицер прислал нашему командиру записку, ее сбросили с самолета. Он писал: «Коллега, сдавайтесь, иначе вы погубите ваших людей. Это не должно быть вашей целью. Если не вышлите парламентаря, в одиннадцать часов открываем огонь тяжелой артиллерии. И что ж, пришлось им открыть огонь из тяжелых орудий.

В этот час я шла из своего госпиталя делать перевязку раненым в другом конце лагеря. И рядом со мной, метрах в пятнадцати, разорвался тяжелый снаряд. Меня словно бревном ударило, швырнуло на землю. Пришла я в себя и поползла обратно в землянку, а вокруг было все тихо, тихо. Оказывается, я оглохла. Меня увидели подруги, испугались, вижу по губам, что расспрашивают, а я ничего не слышу, и сама слова вымолвить не могу. Контузило. Очень обидно было ничего не делать в такое время. Ночь и день я не выходила из землянки. На вторые сутки вышла. Вижу — пули чиркают по снегу, а свиста не слышу и слова сказать не могу. Думали, что я навсегда, оглохла. И вдруг на третьи сутки, рано утром, я услышала, как гудит самолет. — Надя, это наш самолет?» — спрашиваю. Да, это наш, — громко сказала Надя, а сама рада и счастлива, что я заговорили и все слышу.

Это был не первый самолет, который прилетал к нам с продуктами. Пикируя, он сбрасывал мешки, в них было сало, масло, сухари, концентраты, сахар, табак, галеты. А белофинны и это время стреляли в него красными трассирующими пулями. Но так как мы помещались на пяточке, то самолету трудно было точно сбрасывать продукты, да еще под обстрелом, иногда случалось так, что мешок с дорогой едой попадал к неприятелю, а еще чаще ложился на снегу между нашими и финскими окопами.

Белофинны специально зажигали такие же сигнальные костры, как и мы, чтобы спутать наших летчиков. Сверху-то над лесом много не разберешь. Так и сейчас было... Один из санитаров побежал к мешку. «Куда бежишь. — говорю, — убьют!» «Двум смертям не бывать», — махнул он рукой к побежал к мешку, проваливаясь по пояс в снег. Но до мешка он добежать не успел: финский снайпер положил его с первого выстрела. И тогда мы увидели, как с финской стороны к мешку ползет их солдат. Наши тоже не дали поползти. Опять с нашей стороны полз боец.. Его ранили. Потом снова от них. За день там набралось несколько человек убитых и раненых. Но в полночь один из красноармейцев все же сумел добраться до мешка и доставить, его в наше расположение. В одном из мешков лежала почта: в армейской газете мы прочитали приветствия нашему отряду от Ивана Дмитриевича Папанина и экипажа ледокола «Седов». Нам было очень приятно получить от них привет.

Я снова принялась за работу. В землянках несколько дней было не топлено. Мы с санитаром вылезли по дрова. Нашли березу побольше. Снаряд подшиб ей верхушку и оборвал ветви, мы стали пилить ее под корень. На звук пилы откликнулись финские

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью.

Добавил(a) Administrator

16.02.16 13:11 - Последнее обновление 16.02.16 13:20

автоматчики. Вдруг наша пила сломалась. В березе засела пуля, она-то и обломала зубья нашей пилы. Пошли, отыскивали вторую пилу, и березу спилили. Дрова кололи прямо в землянках, и скоро раненым стало тепло, а на дым никто из нас не обращал внимания. Утром опять была атака, и снова белофинны кричали нам разные слова, в затем пришел доктор Вознесенский и сказал:

— Ты, Катя, вечером подыми тех, кто может ходить...

— А что?

— Ночью прорываться будем.

Получили разрешение... Когда уже совсем стемнело, ползком, в полном молчании собрались мы все в заранее условленном месте. Мы так привыкли умело маскироваться, что и сейчас никто не сказал ни слова, никто не звякнул оружием.

Здоровых майор З. Н. Алексеев разбил на две группы: одни должны были идти вместе с ним впереди, другие — в хвосте колонны, на случай нападения с тыла. Прежде всего требовалось прорвать кольцо противника, окружившего наш лагерь. По сигналу майора мы двинулись вперед. Шли тихо и было слышно, как бьется сердце, и как дышат бойцы. Враг не ожидал, что мы начнем прорываться, и потому нам удалось пройти незамеченными довольно близко к неприятельским окопам. Но шорох и дыхание тысячи бойцов выдали наше движение. В воздух взвились зеленые ракеты. И при свете этих ракет враг увидел нас и открыл огонь из пулеметов. Дальше таиться было ни к чему. Майор З.Н.Алексеев закричал: «Ура! Гранаты к бою! За Сталина!» И все подхватили его возглас. Я тоже кричала. И тоже, как и все бежала к неприятельским окопам. Помню, вокруг нас рвались мины, рядом падали сраженные товарищи, в ушах звенело от пулеметного треска, но мы все-таки ворвались в неприятельскую оборону, в их ходы сообщений.

Все это для них оказалось столь неожиданно, что не успела подойти к ним из ближайшего лагеря помощь, как кольцо уже было прорвано. Мы двигались вперед, сжимая в руках гранаты и винтовки, раненые поддерживали друг друга.

Теперь под ногами была твердая почва, мы шли по дороге.

Но майор скомандовал: «За мной!» — сошел с дороги и сразу увяз по пояс в снегу. Я остановилась, не понимая для чего уходить с хорошей дороги в сыпучий снег. «Ты, дорогуша моя, здоровая, — сказал майор З. Н. Алексеев, — ступай вперед, вместе будем тропу протаптывать». И я тоже сошла с дороги. Тут мы потеряли Вознесенского. Он упал раненый неприятельской пулей в живот, а когда мы наклонились над ним, он сказал; «Обо мне не заботьтесь, я врач и понимаю, что значит такая рана. Идите смело вперед, я уверен, что вы прорветесь, и когда дойдете до товарищей, будьте счастливы». И, вытащив наган, он застрелился, а мы пошли дальше. Снег был глубокий. Мы проваливались по пояс, снег оседал под ногами, и, сделав шаг, каждый чувствовал себя, как в седле, и нужно было вытягивать ногу и высоко поднимать ее, чтобы сделать следующий шаг, снова провалиться и так продолжать двигаться вперед. После нескольких таких шагов сердце отчаянно колотилось и трудно становилось дышать. И хотя стоял мороз, рубашки прилипали, к телу. Я сняла полушубок и бросила в снег, так и шла в гимнастерке. Другие поступали так же.

Майор все время подбадривал меня и говорил: «Ничего. Иди, иди, голубушка! Иди, милая». И я шла. Рядом шел спокойно, с шуточками В. Л. Козырев и тащил тяжелую сумку. Я видела разведчиков Кононова, Анисимова. Здесь же были Валя Андриенко, политрук Клименко, редактор газеты Шульгин и много других хороших ребят. Мерзлые

сучья царапали лицо. Шли молча, и только один раз З. И. Алексеев сказал: «Жалко Вознесенского, хороший был человек!»

Иногда в лесу нам попадалась протоптанная уже тропа или лыжня. Но, даже если она шла в том направлении, в котором двигалась наша колонна, мы пересекали ее и уходили прочь по целине. Путь наш был извилист, мы шли к намеченной цели не напрямик, а делая неожиданные повороты, пробирались сквозь лесную чащу. Майор З. Н. Алексеев вел нас так, чтобы избежать встречи с противником. А как не хотелось сворачивать с тропы в сугробы. Какой приятной казалась уже протоптанная тропа, ноги так и тянуло к хорошей дороге. Но каждый раз майор говорил: «Не жалея пота, сбережешь кровь!» И эти слова обошли всю колонну. «Не пожалеешь пота, сбережешь кровь».

Так, увязая в сугробах, шли до рассвета. И когда, наконец, поднялось солнце, мы посмотрели друг на друга и увидели, какие стали — бледные, истощенные, невымытые, обросшие волосами.

З. Н. Алексеев шел впереди меня, его валенки были полны снега, потому что он первый шагнул по сугробам. Снег в валенках таял, и ледяная влага морозила ноги. Подтянутый. никогда

не теряющие самообладания, он все время подбадривал бойцов. Но вдруг он остановился и сказал тихо, так что слышали только те, кто был рядом с ним: «Не могу идти, околели ноги...». Тогда разведчик Анисимов сел на снег и стал стягивать с себя валенки. Он размотал свои шерстяные портянки и протянул их З. Н. Алексееву: «Возьмите, товарищ командир», — сказал он, и, торопясь, сунул босые ноги в валенки. В это время над лесом появились наши самолеты. Они искали нас и нашли. Мы стали махать им шлемами, и они отвечали нам покачиванием крыльев. Самолеты указывали нам направление, а затем уходили в сторону, заметив противника, открывали стрельбу, и мы знали, что там находятся белофинны. Тогда мы сворачивали в другую сторону. Так два раза нам приходилось сворачивать с пути, обходя опасные места. У З. Н. Алексеева на рукаве был компас, по которому он все время проверял движение колонны, и мы не боялись потерять направление. Так мы шли семнадцать часов и наконец достигли линии фронта. Товарищи знали, что мы идем и, желая облегчить нам прорыв фронта белофиннов с тыла, бросили на то место, куда мы должны были выйти, полк...

И все же, когда подошли к фронту, на открытом болоте, поросшем мелким и редким можжевельником, по нашей колонне противник открыл сильный огонь. Напрягая последние силы, мы переползали опасное пространство. З. Н. Алексеев вдруг увидел за кустом станковый пулемет, возле которого никого не было. Услышав стрельбу, белофинны опрометью выскочили из землянки и бросились к пулемету, но майор З. Н. Алексеев опередил их. Если бы они добежали первыми, то могли бы перестрелять всю нашу колонну. «Стреляйте в них». — на ходу крикнул нам З. Н. Алексеев, торопясь первым добежать до пулемета, и это ему удалось. Майор бросился на него всем телом, ничком, грудью, спасая товарищей. Белофинны решили, что сейчас пулемет заработает, и скрылись в кустарнике.

Но товарищ Алексеев стрелять не мог. Отдышавшись, встал, вытащил замок, и мы пошли дальше.

«Ну, сестричка, давай, давай, давай. — сказал майор, — уже совсем мало осталось!» Впереди показался холм. Мы взобрались на его вершину, и здесь были уже наши. Встречавшие нас совали нам в руки хлеб, папиросы, в глазах у них были слезы. Я вела бойца Гусева, его ранили в пути. Кто-то из бойцов увидел Гусева,

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью.

Добавил(а) Administrator

16.02.16 13:11 - Последнее обновление 16.02.16 13:20

бросился к нему, обнял и заплакал. А я говорю: «Не надо его расстраивать!», — а сама тоже плачу.